
ПСИХОПАТОЛОГИЯ ВЛАСТИ

К. Эйсолд

ФРЕЙД КАК ЛИДЕР: РАННИЕ ГОДЫ ВЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Перевод Н.Г. Кротовской

Аннотация. Исследование роли Фрейда как лидера Венской группы позволило выявить постоянное напряжение, существовавшее между стремлением Фрейда использовать группу для развития и распространения своих идей и стремлением членов группы реализовать свои профессиональные амбиции, сохраняя при этом верность Фрейду. Он и его ученики бессознательно заключили соглашение по поиску и искоренению внутренних «врагов», то есть тех последователей Фрейда, которые, поставив под сомнение главное в его теории понятие детской сексуальности, могли тем самым оказать поддержку внешним «врагам» психоанализа. В результате Венское общество так и не освободилось от зависимости, а Фрейду пришлось взять на себя роль президента, чтобы с неизменной бдительностью выявлять внутренних «врагов» психоанализа. Так Венское общество поймало Фрейда в западню. Взамен Фрейд получил постоянную лояльность членов группы. При этом отчасти пострадала жизнеспособность Общества, которому пришлось отказаться от некоторых плодотворных идей, чтобы не утратить связи с Фрейдом и не подвергнуться риску обнаружить в своих рядах нового «врага».

Ключевые слова: психология, психоанализ, лидер, группа, базовые допущения, борьба, зависимость, валентность, враги, институты.

Kenneth Eisold. Freud as a Leader: The Early Years of the Viennese Society. International Journal of Psychoanalysis, 1997, № 78, pp. 87–104.

«Фрейд никогда не терял контроля над группой в целом, он оказался деспотичным лидером», — писал Нанберг в своем введении к «Протоколам Венского психоаналитического общества»¹. Однако сам Фрейд отзывался о своем лидерстве иначе. В «Истории психоаналитического движения» он сомневается в своей способности руководить группой сторонников, которую он собрал вокруг себя, начиная с 1902 года: «Мне не удалось установить между членами группы дружеские отношения, которые должны существовать между людьми, вовлеченными в одну и ту же сложную работу»². В качестве обобщения высказывание Фрейда представляется вполне правдоподобным, если учесть тот факт, что в тот период имели место острые разногласия между Адлером и

Юнгом. Действительно, он писал свою «Историю», чтобы объяснить и оправдать то, что представлялось большому миру сектантским учением и тем самым угрожало репутации психоанализа как серьезной научной теории. В этом контексте его скромное признание неспособности руководить группой говорит о многом. Более того, я полагаю, что он искренне считал себя непригодным к этой роли.

Фрейд не раз выказывал недовольство тяготами лидерства и сомнение в своих лидерских качествах. В 1907 году он пишет Юнгу: «Я всегда чувствовал, что в моей личности, в моих идеях и манере говорить есть нечто, кажущееся странным и отталкивающим»; он объяснял это своей принадлежностью к типу «одержимых» людей, каждый из которых существует в своем замкнутом мире»³. И вновь в 1908 году: «Я, несомненно, не гоюсь на роль руководителя, «великолепная изоляция» моих решающих лет наложила отпечаток на мой характер»⁴. В то время он неоднократно говорит о том, что слишком стар для тягот лидерства.

---

¹ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1962. P. XXIV.

² Freud S. On the History of the Psychoanalytic Movement, 1914. P. 25.

³ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 82.

⁴ Ibid. P. 141.

Однако то, что Фрейду не удалось «установить дружеские отношения», бросает тень и на венцев, намекая на то, что к тому времени стало распространенной практикой внутри психоаналитического сообщества. Бисвангер приводит обезоруживающее замечание Фрейда, сделанное им после одного из ранних собраний группы: «Ну, теперь вы видели эту банду»⁵. А Джонс цитирует слова Юнга, характеризующие Венскую группу как «скопище художников, декадентов и лицемеров»⁶.

Многие из этих высказываний можно объяснить соперничеством между местными членами группы и заграничными визитерами. Абрахам писал Эйтингтону в 1907 году, вскоре после своего посещения Общества: «Я не в восторге от венских последователей... Она намного впереди остальных»⁷. Джонс в своей автобиографии писал, что венцы «казались недостойным аккомпанементом гению Фрейда»⁸. Я думаю, что и сам Фрейд не чурался пробуждать у своих последователей дух соперничества, чтобы их стимулировать.

Более того, как мы увидим выше, отношения между Фрейдом и Венской группой становились все более напряженными и временами даже ожесточенными: расширяясь, трансформируясь в профессиональную организацию, сталкиваясь с конкуренцией извне и пересматривая отношения со своим основателем и наиболее ценным членом, Общество переживало бурные времена. И его членам так и не удалось избавиться от репутации сварливых, мелочных и вздорных людей. Гай весьма определенно характеризует их собрания как «несдержанные, даже язвительные, когда члены Общества пререкались между собой, спорили из-за позиций, хвастали своей оригинальностью или выражали недовольство коллегами с явной враждебностью, скрытой под маской научной откровенности»⁹.

С другой стороны, эта история, разумеется, рассматривается с точки зрения репутации Фрейда как деспотичного отца, не позволяющего сыновьям повзрослеть и обрести независимость¹⁰. После разрыва с Фрейдом Юнг в нескольких горьких письмах обвинял его в том, что тот «играл роль моего отца»¹¹. Виттельс

сравнивает Фрейда с тираническим отцом из «Тотема и табу» и предлагает комментарий о подавлении инакомыслящих. Розен наряду со многими исследователями приходит к выводу о том, что большинство мужчин-учеников Фрейда покинули его из-за спертой и неуклонно деградирующей атмосферы.

Самое горькое свидетельство такого положения вещей принадлежит самому Фрейдю. В апреле 1910 года он писал Ференци, что опасается «впасть в роль сварливого старика». В ноябре 1910 года он жалуется Юнгу на растущие сложности с Адлером: «Он... вынуждает меня играть неприятную роль старого деспота, не позволяющего молодым идти вперед»¹².

Но если мы более внимательно рассмотрим свидетельства того, что происходило в Венской группе, вышеприведенные характеристики покажутся довольно странными. Данная самим Фрейдом в его «Истории» характеристика Венской группы, несомненно, содержит похвалу, хотя и скупую: «В целом должен признать, что по уровню и разнообразию талантов она едва ли была ниже, чем штат любого клинициста»¹³. В самом деле, сегодня принято считать, что многие из членов этой группы внесли значительный вклад в развитие психоанализа. Более того, внимательное изучение протоколов Венского психологического общества с 1906 по 1915 год, тщательно изданных Нанбергом и Федерном, показывает, что в действительности собрания группы были живыми, продуктивными и побуждающими ее членов к творчеству. Возможно, они не были, по выражению Фрейда, «дружескими», обсуждение научных проблем порой принимало довольно острую форму. Но эти собрания, в любом случае, были успешными именно в том смысле, какой был нужен Фрейдю, так как способствовали развитию идей и практики психоанализа.

В объективном успехе этих собраний едва ли можно сомневаться, и главную роль в достижении этого успеха играл, разумеется, Фрейд. Обширная психоаналитическая литература, посвященная качествам успешного лидера, поможет нам понять, как Фрейд способствовал этому успеху. Например, Залезник¹⁴ отмечает, что успешный лидер нередко бывает «дважды рожденным» и в результате отличным от других и необычайно целеустремленным в преследовании собственного видения. Подобным же образом Лапьер¹⁵

⁵ Binswanger L. Sigmund Freud: Reminiscences of Friendship. N.Y., 1957. P. 4.

⁶ Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. L., 1955. P. 33.

⁷ Gay P. The Life for Our Time. N.Y., 1988. P. 178.

⁸ Jones E. Free Associations: Memories of a Psycho-Analyst. N.Y., 1959. P. 159-160.

⁹ Gay P. The Life for Our Time. N.Y., 1988. P. 178.

¹⁰ Poner H.W. Sigmund Freud: His Life and Mind. N.Y., 1947.

¹¹ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 535.

¹² Ibid. P. 373.

¹³ Freud S. On the History of the Psychoanalytic Movement, 1914. P. 25.

¹⁴ Zaleznik A. The Managerial Mystique. N.Y., 1989.

¹⁵ Lapierre L. Exploring the Dynamics of Leadership. In: Organizations on the Couch. San Francisco, 1991.

указывает на важность личного авторитета лидера, основанного на ясности его «внутренней правды», помогающей ему проецировать свои желания и фантазии на своих последователей. Зонер и Оффер с точки зрения селф-психологии, определяют тип «мудрого лидера», трансформировавшего свои первично нарциссические потребности. С одной стороны, он активно преследует свой эго — идеал, с другой, способен реалистично оценивать себя. Все эти перспективы затрагивают некоторые личные достижения Фрейда на этом этапе его жизни, позволившие ему возглавить психоаналитическое движение. Он стал непререкаемым — а порой и магическим — лидером.

Однако история лидерства Фрейда связана не только с успехом, но и с глубоким разочарованием. По его собственным словам, ему не удалось передать лидерство кому-то из членов группы, как он неоднократно пытался сделать; к тому же, он утратил интеллектуальную близость с теми людьми, которых больше всех любил. Более того, с самого начала психоанализ упрекали в сектантской нетерпимости, и эта репутация с годами только укрепилась, подрывая его научные позиции и препятствуя внутреннему развитию.

Ответственность за подобную ситуацию, разумеется, нельзя возложить исключительно на Фрейда. Его роль была решающей, но его последователи также не остались в стороне. Фрейд был лидером в той степени и в той форме, в какой это допускали его ученики.

В психоаналитической мысли есть направление, начало которому положили пионерские наблюдения Биона, исследовавшего контроль, который группа осуществляет над лидером. Заметив, что все группы не только преследуют определенную цель, но в то же время пытаются защититься от страхов — он назвал их «рабочими группами» и «группами базовых допущений», — Бцион привлек внимание к бессознательным способам, при помощи которых группы манипулируют своими лидерами в угоду своим потребностям в защите. Мензис-Лит исследовал скрытое воздействие «социальной защиты» в социальных системах, затрагивающее выполнение задач и контролирующее пределы, в которых может осуществляться лидерство. Работавшие в той же сфере Шапиро и Кернберг выдвинули предположение о воздействии групповой регрессии на лидера. Другие теоретики, исследующие силу бессознательной динамики в группах, смотрят на эти явления несколько иначе. Анзье изучал важнейшую роль бессознательных фантазий в группах, препятствующих рациональному планированию. Строзьер с точки зрения селф-психологии исследовал ограничения, накладываемые на лидера,

исходя из его роли селфобъекта; рост фрагментации «я» в группах, сопровождающийся нарциссическим гневом, рождает острую потребность в идеализированном лидере.

В данной работе для понимания происходящих в группе процессов я буду опираться на теорию Биона, хотя при этом могут использоваться другие построения, относящиеся к динамике взаимодействия между лидером и его последователями. Венское общество было относительно небольшой группой, близкой по размерам к тем группам, над которыми Бцион проводил свои первые клинические наблюдения, однако другой причиной использования его теории является то, что его термины дескриптивны, лаконичны и хорошо подходят для описания исследуемых нами явлений. Однако при исследовании подобной динамики в структуре, необходимой для выполнения задач, я следую работам Райса и Кернберга: регрессия, ведущая к поведению, основанному на «базовом допущении», обычно имеет место в группах, где наблюдается конфликт между задачами или разрыв между задачей и структурами, необходимыми для ее выполнения.

Внимательный взгляд на протоколы Венского общества, как мы еще увидим, определенно свидетельствует о наличии «базовых допущений». Фрейд и его последователи, постоянно находясь в осаде со стороны медицинского и культурного истеблишмента, едва ли могли избежать базового допущения о «борьбе или бегстве», то есть веры в то, что их первейшей потребностью является защита от внешней опасности. С другой стороны, с учетом авторитета и важной роли Фрейда в группе, его последователи не могли избежать базового ощущения о зависимости, то есть веры в то, что для выживания они нуждаются в его поддержке и защите. В то же время они пытались развить организационные структуры, необходимые для решения ряда задач, с которыми они сталкивались, и, как мы увидим позже, главный конфликт состоял в различном понимании этой задачи.

Конечно, Фрейд не был «деспотичным лидером», как его описывает Нанберг. Как не был он ни доминирующим тираном, за которого его порой выдавали, ни неэффективным лидером, которым он себя порой считал. С другой стороны, члены Венского психологического общества не были бандой мелких скандалистов и лицемеров, не были они и героями или жертвами. Они, несомненно, были то теми, то другими, когда пытались ответить на вызовы, с которыми сталкивались, и реагировать на давление, которого не понимали. Кроме того, они были страстно вовлечены в предприятие, выявившее их лучшие и худшие черты. Все вместе они несли психоанализ миру и в то же время под

воздействием глубокого беспокойства бессознательно прибегали к деструктивным актам защиты.

Перед Зальцбургом

По мнению Штекеля, годом рождения группы можно считать 1902-й, когда Фрейд разослал почтовые открытки четырем врачам — Штекелю, Адлеру, Кану и Рейтеру, — приглашая их встретиться в неформальной обстановке у него в приемной. «Первые вечера оказались вдохновляющими... нас так увлекли эти собрания, что мы решили, что новые члены могут появиться в нашем кружке лишь при условии единодушного одобрения»¹⁶. К тому времени, когда Ранк начал вести протоколы заседаний, то есть к октябрю 1906 года, группа стала более структурированной. Само по себе решение нанять Ранка и вести формальные записи знаменует собой важный момент в развитии группы; после четырех лет встреч она осознала свое значение и постоянство. Согласно записям Ранка, теперь она состояла из семи человек: «Профессор доктор Фрейд председательствует на собраниях, Отто Ранк выполняет роль оплачиваемого секретаря. Как правило, собрания происходят каждую среду в половине девятого вечера в доме профессора Фрейда»¹⁷.

На этой стадии своего развития группа имеет несколько смешанный характер; по словам подкомитета, созданного в 1908 году для рассмотрения новых правил, «она представляла собой нечто среднее между группой, приглашенной профессором Фрейдом, и научным обществом»¹⁸. То есть она по-прежнему состояла из тех людей, которые были связаны с Фрейдом и на которых он рассчитывал в деле продвижения основанного им психоанализа. В то же время эти люди были связаны друг с другом и со своими собственными делами. Эти связи становились все более формальными, превращаясь в права и обязанности членов внутри Общества: подготовка докладов, участие в дискуссиях, уплата членских взносов, голосование за новых членов и т.д. Ясно, что эти структуры — «группа, приглашенная профессором Фрейдом, и научное общество» — были тесно связаны. Без Фрейда у Общества не было бы руководства и поддержки со стороны всеми признанного авторитета и оно не могло бы успешно пропагандировать и практиковать свою дисциплину. С другой стороны, без Общества Фрейд лишился бы главного орудия распространения своих идей. Но, несмотря на

нерасторжимость, интересы этих двух групп не были идентичными. Главной целью «группы, приглашенной профессором Фрейдом», было развитие идей Фрейда и рост их влияния; целью «Общества» было дальнейшее профессиональное развитие его членов.

Ранние признаки этого напряжения заметны в том, как Фрейд пытался обособить свою власть от власти группы. Например, в начале первого собрания осенью 1906 года он отменил прежнее соглашение о том, что решения о публикациях принимаются совместно с группой. И летом 1907 года он снова объявил, что распускает Общество, предоставив каждому возможность возобновить свое членство. Лежащей на поверхности причиной этого поступка было восстановление «личной свободы каждого индивида»¹⁹. Однако это проявление уважения и такта напомнило членам общества, что только сам Фрейд имеет право на подобные шаги, что это его группа. Более того, формулировка «личная свобода» затемнила смысл того, до какой степени члены общества обладают собственной формальной организацией. Сакс открывал ежегодные собрания словами: «А теперь поиграем в студенческое братство».

Это «братство» становилось все более самоуверенным. Бисвангера поразило, что «противоположные мнения высказывались совершенно свободно, и никто не церемонился — при всем уважении к Фрейду, часто противоречили даже ему»²⁰. В самом деле, в некоторых случаях члены общества критиковали друг друга за зависимость от Фрейда. Например, в октябре 1906 года Штекель заметил, что «в книге Ранка все рассматривается сквозь призму учения Фрейда, не выходя за его пределы»²¹. В феврале 1907 года Задгер жалуется, что группа в целом «склонна преувеличивать значение фрейдистских теорий в психологии, то есть важность сексуального фактора для психологии, для бессознательного»²². Двумя месяцами позже Федерн «видит ошибку тех, кто полностью пропитан фрейдистским образом мыслей, игнорируя все остальные точки зрения»²³.

5 февраля 1908 года «Адлер и Федерн выступили с предложением о реорганизации собраний»²⁴. Федерн,

¹⁶ Stekel W. The Autobiography of W. Stekel. N.Y., 1950. P. 116.

¹⁷ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1962. P. 6.

¹⁸ Ibid. P. 315.

¹⁹ Ibid. P. 203.

²⁰ Binswanger L. Sigmund Freud: Reminiscences of Friendship. N.Y., 1957. P. 7.

²¹ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1962. P. 25.

²² Ibid. P. 132.

²³ Ibid. P. 165.

²⁴ Ibid. P. 298.

со своей стороны, предложил отменить «интеллектуальный коммунизм», царивший в Обществе. Ни одну идею нельзя использовать без ссылки на ее автора. Вслед за этим Задгер внес предложение, согласно которому «личные инвективы и нападки должны немедленно прерываться председателем, которого следует наделить подобной властью». Вскоре Граф заметил, что предложения и дискуссии «рождены чувством неловкости. Мы больше не являемся тем собранием, которым когда-то были. Хотя мы все остаемся гостями профессора, мы на пороге того, чтобы стать организацией. Таким образом, он предлагает следующий шаг... перенести заседания из квартиры профессора в другое место»²⁵.

Ответ Фрейда на этот всплеск организационной активности со стороны группы был тактичным и тактическим. Он отверг предложение Задгера на том основании, что хотя ему больно кого-то упрекать, но он уже предупреждал группу, что если не удастся наладить сотрудничество, «тогда ему придется прикрыть [лавку]»²⁶. Он предложил создать комитет, который даст свои рекомендации; дискуссия закончилась единодушным одобрением «интеллектуального коммунизма».

12 февраля, на следующем заседании Венского общества, комитет, предложенный Фрейдом, представил свои рекомендации, главным образом процедурного характера. Он отверг предложение Графа об изменении места проведения собраний. Однако Адлер предложил «ежемесячно встречаться где-нибудь в другом месте (возможно, в малой аудитории университета). На эти собрания должны допускаться все желающие, если их кандидатуры будут одобрены двумя третями голосов. С помощью процедуры голосования, которая применяется в настоящее время, некоторые члены этой группы могут быть избраны для участия в более узком кружке, который собирается по средам»²⁷.

Согласно протоколу заседания, «предложение меньшинства, поддерживающего Адлера, вызывало оживленный спор». Однако Адлер выдвинул свое предложение тогда, когда Фрейд высказался за создание большей группы полностью отделенной от Общества, собиравшегося по средам.

Итог этих предложений и споров — по крайней мере, на первый взгляд — ничтожен. Для образования большей группы не было сделано ничего. По какой причине?

Как заметил Граф на заседании 5 февраля, группа

уже не была прежней; она эволюционировала до такой степени, что ощутила свой авторитет и потребность осуществлять больший контроль над своей деятельностью. В этом отношении февральские битвы 1908 года служили продолжением битвы за власть, признаки которой мы видели выше. Предложения были выдвинуты в ответ на тонкое заявление Фрейда о своем господстве, сделанное прошлым летом и заключавшееся в «уничтожении» Общества. По-видимому, Фрейд это понимал, когда напомнил группе, что может «прикрыть [лавку]».

Существует и другой аспект этой борьбы, связанный с опасениями группы относительно ее отношений с Фрейдом. Предложение Задгера наделить председателя правом подавлять проявления личного недовольства было ответом на растущую тревогу группы по поводу своих споров и конфликтов. В протоколе следующего собрания, состоявшегося 12 февраля, эта ситуация обозначается как «появившееся в последнее время плохое настроение в империи»²⁸.

Не трудно заметить, что это «плохое настроение» возникло два месяца назад, на собрании 4 декабря 1907 года, в начале которого Фрейд «сообщает о предложении Юнга устроить весной конгресс «всех последователей» (возможно, в Зальцбурге)²⁹. Это собрание, формально посвященное представлению и обсуждению доклада Задгера, было прервано беспрецедентными перепалками: «Штекель в ужасе и боится, что работа [Задгера] повредит нашему делу»³⁰; «Федерн возмущен. Задгер не сказал ни слова о сексуальном развитии»; Виттельс первым выступает против несдержанного поведения Штекеля и Федерна. Он считает его совершенно недопустимым. В ответ Фрейд советует всем соблюдать умеренность, явно стараясь успокоить собравшихся, однако в конце собрания Задгер заявляет: «Он ожидал получить информацию и объяснения, но вместо этого принесет домой одни оскорбления»³¹.

Этот беспрецедентный конфликт, несомненно, был вызван сообщением Фрейда о плане Юнга провести конгресс: группа впервые столкнулась с тем фактом, что у Фрейда есть другие последователи, способные сделать для него больше, чем они. Задгер стал козлом отпущения, во-первых, потому что, как мне кажется, у группы сразу же возникло ощущение, что его доклад недостаточно хорош, чтобы представлять психоанализ и удовлетворить Фрейда. Во-вторых, как я подозреваю,

²⁸ Ibid. P. 316.

²⁹ Ibid. P. 254.

³⁰ Ibid. P. 255.

³¹ Ibid. P. 258.

²⁵ Ibid. P. 301.

²⁶ Ibid. P. 301.

²⁷ Ibid. P. 315-316.

он как бы стал дублером самого Фрейда, получив заряд беспомощной ярости, которую они не осмеливались обрушить на профессора.

Но, разумеется, беспокойство группы нельзя было сдерживать, нападая на Задгера. На собрании 8 января 1908 года, когда настала очередь Штекеля председательствовать, Задгер предпринял контратаку. Штекель возразил: «его пугает отсутствие понимания, с которым он столкнулся сегодня вечером». 4 марта Штекель, в свою очередь, напал на Адлера. Нормальный обмен мнениями на собраниях сделался резким и приобрел личный характер.

Общество стояло перед дилеммой. С одной стороны, его члены нуждались в его сохранении в качестве инструмента собственного профессионального развития, эта потребность особенно ясно осознавалась теперь, когда Фрейд стал находить себе учеников повсюду. За этим последовали предложения перенести собрания в приемной Фрейда куда-нибудь в другое место, организовать самостоятельное общество и уничтожить «интеллектуальный коммунизм». С другой стороны, как членам группы было избежать саморазрушительных конфликтов, все больше отдалявших их от Фрейда? Эту цель были призваны исполнить предложения реформировать собрания, предоставив Фрейду большую власть.

Однако глубже всего был страх потерять лояльность Фрейда, и, по-видимому, этот страх наиболее полно проявился в полном подчинении членов группы его рекомендациям по вопросам реформы. Результат успокоил их и подтвердил их зависимость.

В итоге Фрейд получил группу последователей, признавших свою зависимость. Они работали в страхе, что Фрейд их покинет, и теперь готовились дисциплинированно предстать на зальцбургском конгрессе. Таким образом, он мог рассчитывать на то, что они займут свое место среди приверженцев психоанализа во всем мире — это были не только Юнг, но и Джонс, Абрахам и Ференци, а также А.А. Брилл и Мортон Принс из Америки, — которые готовились присоединиться к ним в Зальцбурге.

Предложение Адлера о том, чтобы в Вене были две группы, было последней отчаянной попыткой утвердить независимость общества, а также сохранить тесную связь с Фрейдом. «Более широкая» группа могла продолжать свободную дискуссию и поощрять соперничество в развитии оригинальных идей и формулировок, которое подтвержденная группой приверженность «интеллектуальному коммунизму» могла лишь запретить. С другой стороны, предложение Адлера обостряло соперничество за доступ к Фрейду. «Оживленная дискуссия», вызванная предложением

Адлера, заставляет сделать вывод о том, что эта идея имела, вероятно, значительную поддержку, однако встречное предложение Фрейда сохранить группу, собиравшуюся по средам, неизменной, одновременно создав совершенно другую, более крупную организацию, убедило группу в том, что он не готов — по меньшей мере, в данный момент — изгнать кого-то из них. Они могли продолжать встречаться с ним при условии хорошего поведения, то есть умерив свое беспокойство по поводу соперничества с последователями Фрейда вне Вены.

Однако создание «более широкой группы» было неизбежным. Два года спустя на Нюрнбергском конгрессе, когда под руководством Юнга была создана Международная психоаналитическая ассоциация, в Венской группе разразился очередной кризис.

Нюрнберг и международная психоаналитическая ассоциация

Протоколы заседаний конца марта 1910 года перед Нюрнбергским конгрессом свидетельствуют о растущем беспокойстве: Фрейд не открывал венцам своих карт; никто не знал, что он собрался делать с Ференци и Юнгом. Беспокойство оказалось не напрасным. В предложении Ференци, впервые изложенном в его докладе «Об организации психоаналитического движения»³², но явно одобренном Фрейдом, содержался призыв к созданию «Международной психоаналитической ассоциации», пожизненным президентом которой назначался Юнг, наделявшийся правом цензурировать все психоаналитические публикации. Во вводных заметках Ференци об истории психоанализа, несправедливых и оскорбительных, ни слова не говорилось о вкладе Венской группы; действительно, он описывал первый «героический» период психоанализа — до появления Юнга и «цюрихцев» — как время, когда Фрейд работал совершенно один³³.

Венцы, как и следовало ожидать, были вне себя от ярости. Согласно Виттелю, они тайно встретились у Штекеля, чтобы спланировать ответные действия. И тут появился Фрейд.

«Никогда прежде я не видел его таким взволнованным. Он сказал: «Большинство из вас евреи и, следовательно, некомпетентны завоевывать друзей для нового учения... Мы все в опасности». Взявшись за лацканы пиджака, он сказал: «На мне не оставят

³² Ferenczi S. On the Organization of the Psycho-analytic Movement. In: Final Contributions to the Problems and Methods of Psychoanalysis. N.Y., 1955.

³³ Ibid. P. 300.

даже этого пиджака. Швейцарцы нас спасут — спасут меня, а заодно и всех вас»³⁴.

Они достигли компромисса, в результате которого некоторые наиболее спорные детали предложения Ференци были смягчены. Цензура отменялась, и президентский срок Юнга ограничивался двумя годами.

Когда собрания Общества возобновились в Вене 6 апреля 1910 года, Фрейд указал, что «претворение в жизнь этих резолюций будет означать новый период в деятельности общества». До сих пор члены Общества были его гостями, «теперь порядок будет другим. Вновь учрежденное общество должно избрать президента». Отказавшись стать президентом нового общества, Фрейд предложил на этот пост Адлера³⁵.

Адлер ответил как бы от лица Венской группы. Он объяснил их действия в Нюрнберге, призвав Фрейда объяснить свою роль в конфликте и осудив «резкость» «Меморандума» Ференци. Затем он начал говорить в заносчивой, если не вызывающей манере: «Таким образом, сегодня мы можем заявить, что отныне принадлежим к ассоциации, которая выбирает своего президента путем свободных выборов и члены которой имеют равные права, как и в любой другой ассоциации»³⁶.

Настроение, царившее на собрании, было подавленным и оборонительным. Штекель заметил, что «он не представляет, как мы будем существовать .... Без Фрейда, который, кажется, питает глубокое отвращение к Вене». Федерн отрицал «какие бы то ни было враждебные намерения по отношению к Цюриху», обвинив «цюрихских членов в замкнутости... Даже если трудно себе представить, что старые патриархальные отношения перестали существовать, у Фрейда, наверняка, есть веские причины для его решения и бороться против них, как он полагает, бесполезно». По мнению Задгера, «он видел, что Фрейд в последние два года по горло сыт венцами». «Однако дело в том, что он нам нужен»³⁷.

Постепенно настроение собравшихся изменилось. Фрейд напомнил им, «о многих серьезных причинах», по которым Цюрих должен стать центром психоанализа, но главным образом он убедил их в своем постоянном присутствии и участии. Группа искала способ определить особую роль Фрейда, и он предложил сделать его «научным председателем». Затем они выбрали президентом Адлера.

³⁴ Wittels F. Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School. N.Y., 1924. P. 140.

³⁵ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1967. P. 463-464.

³⁶ Ibid. P. 464.

³⁷ Ibid. P. 465-467.

Из протоколов последующих собраний становится ясно, что эффективный переход в новое качество прошел относительно гладко. Группы перешла к выборам исполнительного комитета, который должен был управлять изданием журнала «Zentralblatt» («Центральное обозрение психоанализа»), найти новое место для собраний, назначить новые взносы, создать библиотеку и к осени утвердить свой статус. Сам Фрейд в письме к Юнгу замечал, что «образование Международной психоаналитической ассоциации, возможно, пока преждевременное для развития группы в Цюрихе, «в Вене определенно помогло. Стиль улучшился, и энтузиазм большой»³⁸.

Относительная легкость, с которой венцы преодолели кризис, на мой взгляд, объясняется тем, что они готовились к нему два года, точнее, с февраля 1908 года, когда признали свой смешанный статус. Теперь они готовы были сделать шаг к тому, чтобы, по гордому выражению Адлера, стать «ассоциацией, которая выбирает своего президента путем свободных выборов и члены которой имеют равные права»³⁹. К тому же, за эти два года группа воспитала лидера в лице Адлера, который чувствовал себя способным сменить на посту Фрейда. Фрейд, разумеется, полностью это понимал, предлагая Адлера на роль президента, и группа также это поняла, беспрекословно отдавая ему роль своего представителя.

Как убедительно показал Степански, Адлер отнюдь не был бунтовщиком и несговорчивым членом Венского общества, как это утверждалось на протяжении многих лет. В самом деле, Фрейд часто одобрительно отзывался о его глубоких и оригинальных работах. Более того, в отличие от Штекеля, Задгера и даже Федерна, Адлер воздерживался от комментариев, которые могли поощрить оппозицию идеям Фрейда, одновременно развивая свои собственные воззрения и, как мы видели, свои предложения по поводу дальнейшего развития общества.

Например, на последнем научном заседании общества перед началом лета 1909 года Адлер представил доклад «Исключительность неврозов», развивающий идеи, явно расходившиеся с идеями Фрейда. Протоколы сохранили продуманные подробные комментарии Фрейда: «Профессор Фрейд почти не видит ошибок в деталях предельно ясного и последовательного хода мыслей Адлера, но он должен признаться, что в целом у него другая точка зрения»⁴⁰.

³⁸ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 321.

³⁹ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1967. P. 464.

⁴⁰ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1967. P. 265.

Несколькими днями позже Юнг писал Фрейд, что слышал от пациента, будто Адлер «покидает вас и собирается работать самостоятельно, даже в другом направлении. Правда ли это?»⁴¹. На что Фрейд отвечает:

«Да, надеюсь, это правда. Он теоретик, умный и оригинальный, но не настроенный на психологию... Хотя он хороший ученый. Он не покинет нас в ближайшем будущем, но и не будет участвовать в нашей работе в той мере, в какой мы этого хотим. Мы должны сохранить его как можно дольше».

Ясно, что в этот период ни Фрейд, ни Адлер не хотели подчеркивать существовавшие между ними различия, оба предпочитали рассматривать свои идеи как по сути совместимые.

Годом позже, накануне избрания Адлера президентом Венского общества, Фрейд писал Ференци о том, почему он выбрал Адлера: «Я передаю руководство Адлеру не по причине склонности или удовлетворения, но потому что он является единственной [выдающейся] личностью и потому что на этой должности он будет вынужден выступить в защиту общих оснований»⁴². Несколько месяцев спустя Фрейд писал Юнгу: «Адлер слишком чувствителен и глубоко обижен на то, что я постоянно отвергаю его теории»⁴³. Однако эти высказывания следует рассматривать в контексте медлительности Юнга в организации Международного психоаналитического общества и призывов Фрейда действовать более расторопно и терпимо по отношению к Венской группе. Наверняка, он хотел показать Юнгу, в какое затруднительное положение он попал с Венской группой в результате этих проволочек: «Вам известно, с какой ревностью они относятся — здесь и везде — к вашей привилегированному положению в моих глазах, и думаю, я справедливо полагаю, что все, что говорят против вас, на самом деле говорится против меня»⁴⁴.

В том же тоне он предостерегает Юнга 31 октября 1910 года:

«Я также полагаю, что вы еще не преодолели неприязнь к венским коллегам... Вы, безусловно, правы в вашей оценке Штекеля и Адлера... Но человеку столь высоких достоинств, как вы, негоже испытывать к ним недобрые чувства. Относитесь к этому с юмором, как я, кроме тех дней, когда мной овладевает слабость»⁴⁵.

Через месяц его «слабость», по-видимому, начала овладевать им чаще; он пишет Юнгу:

«Раздражение на Адлера и Штекеля, с которыми очень трудно иметь дело, портит мне настроение... Адлер весьма достойный и очень умный человек, но он параноик... Он всегда претендует на первую роль, всему дает новые названия, жалуется, что он теряется в моей тени, и вынуждает меня играть неприятную для меня роль старого деспота, не дающего молодежи идти вперед. Они также позволяют себе грубые выпады против меня лично, и я с удовольствием избавился бы от них обоих. Но это невозможно... И в довершение всего, эта абсурдная венская гордость и ревность к вам и Цюриху»⁴⁶.

Третьего декабря Фрейд снова пишет:

«С Адлером совсем плохо. Он напоминает Блейлера; пробуждает во мне память о Флиссе, только октавой ниже... Суть дела в том — и это действительно меня тревожит, — что он минимизирует сексуальное влечение, и наши оппоненты вскоре смогут говорить об опытным психоаналитике, выводы которого радикально отличаются от наших»⁴⁷.

Протоколы этого периода, осени 1910 года, для которых характерна эйфория весенней реакции на Нюрнбергский конгресс, свидетельствуют о том, что на самом деле вечерние дискуссии по средам все чаще касались теоретических разногласий между Адлером и Фрейдом. На собрании 16 ноября Хитшманн предложил, чтобы «наконец-то внимательно рассмотреть теории Адлера в их взаимосвязи, уделив особое внимание их расхождению с учением Фрейда»⁴⁸. Предложение Хитшманна, якобы нацеленное на то, чтобы внести ясность в дискуссию, открыло путь к конфронтации, которая три с половиной месяца спустя закончилась уходом Адлера. На карту было поставлено гораздо больше, чем выяснение теоретических различий. Как сообщил Фрейд Уортису много лет спустя, «личные разногласия — ревность, месть или другие проявления враждебности всегда приходят первыми... научные различия появляются позже»⁴⁹. Отглядываясь назад, можно сказать, что растущее напряжение между Фрейдом и Адлером проистекало из конфликта между их ролями, обострившегося после того, как Венское общество обрело новый статус. После Нюрнберга скрытый конфликт касательно целей

⁴¹ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 232.

⁴² Brabant E. et all (eds.) The Correspondence of Sigmund Freud and Sandor Ferenczi, vol. I. Cambridge, 1993. P. 155.

⁴³ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 331.

⁴⁴ Ibid. P. 330.

⁴⁵ Ibid. P. 366.

⁴⁶ Ibid. P. 373.

⁴⁷ Ibid. P. 376.

⁴⁸ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1974. P. 59.

⁴⁹ Wortis J. Fragments of a Freudian analysis // Amer. J. Orthopsychiat. 1940. № 10. P. 848.

Общества и его отношений с Фрейдом становился все более очевидным.

Адлер всегда был сторонником независимости Общества, которое он теперь формально возглавлял, а также сторонником независимости теоретической мысли внутри него. После Нюрнбергского кризиса он успешно объединил его членов и сумел перевести его в новую фазу. Но зависимость, которую испытывали все члены Общества в качестве «гостей профессора Фрейда», зависимость, вызвавшая у них после Нюрнбергского конгресса, когда они потеряли «старые патриархальные отношения», страх и депрессию, эта зависимость никуда не делась. Фрейд заверил, что он их не бросит, что все останется по-прежнему, но постепенно становилось ясно, что это не так.

Прежде всего, члены Венского общества понимали, что на самом деле в возникающих между ними и Юнгом спорах Фрейд поддерживает последнего. Ни его сердце, ни лояльность не были на стороне венцев. Письма Фрейда Юнгу показывают, что он не оставался равнодушным к недостаткам Юнга как лидера Международной психоаналитической ассоциации. Он не только призывал его вести себя с венцами более решительно в качестве президента, но также предлагал себя в роли посредника между ним и Адлером и Штекелем, издателями «Zentralblatt»: «Я могу выполнить все ваши требования и воспрепятствовать всему, что вас не устраивает»⁵⁰. Однако протоколы Общества заставляют сделать вывод, что с венцами он вел себя примирительно, а иногда просто молчал; он либо защищал время от времени Юнга, либо игнорировал их жалобы на него. Более того, как он сам отмечает в письмах Юнгу, он становился все более раздражительным и нетерпимым. Венцам оставалось лишь гадать, на чьей он стороне.

Ситуация не могла оставаться прежней и по другой причине. Независимое Общество должно было терпимо относиться к соревнованию и различиям, теоретическим и прочим. Выбор Адлера президентом был признанием его заслуг как мыслителя. В этом смысле самые откровенные обсуждения осенью 1910 года были неизбежным следствием нового статуса Общества как «объединения ученых с разными взглядами и степенью компетентности... оно больше не было собранием учеников, сидящих у ног учителя»⁵¹. В самом деле, споры, несомненно, должны были определить границы этой терпимости — и, разумеется, терпимости Фрейда.

В последние месяцы 1910 года нетерпимость Фрейда возростала. На первый взгляд, его раздражало по-

ведение Адлера и Штекеля, однако они были наиболее удобными мишенями для его растущего раздражения Обществом и растущими затруднениями в его отношении к Обществу и Юнгу. После того как Хитшман сделал свое якобы безобидное предложение, группа бессознательно стравлила двух людей, представлявших разные полюса, подготовив тем самым почву для прояснения позиций. Адлера подталкивали к тому, чтобы он яснее изложил свои взгляды, а Фрейда — к решению, до какого предела он готов терпеть теоретическую независимость.

К тому времени, когда этот спор произошел, Фрейд окончательно решил, что Адлер должен уйти. В протоколах от 1 февраля 1911 года описывается доклад Адлера и его подробный и откровенный разбор Фрейдом, не оставляющий сомнения в том, каким тоном произносились эти слова. Суть его критики состояла в следующем: так как доклад минимизирует силу либидо и «страх эго перед либидо», психология Адлера поверхностна, это просто «психология эго, углубленная знанием психологии бессознательного». В качестве таковой — здесь создается впечатление, что Фрейд готов уступить — она может быть полезным дополнением к психоанализу», однако далее он делает вывод: «Это не психоанализ». Мало того, он заявляет, что она может «принести огромный вред психоанализу... Она использует латентное сопротивление, которое еще живет в любом психоаналитике, чтобы осуществить свое влияние»⁵².

Рассказ Виттельса, во многом опирающийся на воспоминания Штекеля, подчеркивает драматизм происходящего: «адепты Фрейда набросились на Адлера с яростью невиданной доселе даже в сфере ожесточенных психоаналитических споров... Фрейд с мрачным видом держал перед собой стопку записок и, казалось, готов был уничтожить своего соперника»⁵³. Граф отметил, что Адлер «спокойно и твердо» защищал свою точку зрения, но тем не менее был «изгнан»⁵⁴.

Члены группы, выступившие в защиту Адлера, прежде всего отстаивали его право развивать свои идеи; кажется, яростная и согласованная атака застала их врасплох. Вертмюллер счел преждевременным занимать позицию «за» или «против» и попытался опровергнуть некоторые из возражений профессора Фрейда. На третьем собрании оба, Фрейд и Адлер, делают попытку пойти на компромисс. «Профессор

⁵² Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1974. P. 147-149.

⁵³ Wittels F. Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School. N.Y., 1924. P. 150-151.

⁵⁴ Graf M. Reminiscences of Professor Sigmund Freud // Psychoanal. Q. 1942. № 11. P. 472-473.

⁵⁰ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 367.

⁵¹ Ibid. P. 39.

Фрейд считает учение Адлера ошибочным, а в том, что касается развития психоанализа, опасными. Но это научные ошибки... которые делают честь их автору»⁵⁵. Адлер заметил, что его работы «не были бы возможны, если бы Фрейд не был его учителем». Если его теории вредят психоанализу, то «он не замедлит сделать необходимые выводы». Далее в протоколе сказано, что Адлер сложил с себя полномочия президента «вследствие несовместимости его научных взглядов с постом, который он занимает в Обществе»⁵⁶.

Я полагаю, Адлер пытался объяснить ярость Фрейда тем, что она мотивирована страхом за будущее психоанализа; подобную ярость он и другие члены Общества видели на Нюрнбергском конгрессе. Если психоанализ был в опасности — или, точнее, Фрейду казалось, что он в опасности, — следовала соответствующая реакция, придававшая ему уверенность и позволявшая спокойно оценить угрозы, которые могли неожиданно возникнуть вследствие его действия.

«После этой неудачной попытки я решил взять бразды правления в свои руки и собираюсь крепко их держать»⁵⁷, — пишет Фрейд Юнгу 1 марта 1911 года. Спустя две недели он прибавляет: «Естественно, я только жду случая вышвырнуть их обоих, но они знают это и ведут себя очень осторожно и примирительно, так что в настоящее время я ничего не могу сделать»⁵⁸.

На собрании 1 марта, когда Фрейд вновь занял пост президента, члены Общества не стали делать выводы из «обсуждения» теорий Адлера. Единодушно проголосовав за то, чтобы выразить Адлеру и Штекелю благодарность за их работу, Венское общество отказалось «признать несовместимость». Издатели протоколов замечают в сноске: «На самом деле, довольно странно, что большинство членов Общества, несмотря на недвусмысленную ситуацию и явно выраженную волю Фрейда, проголосовало таким образом. Но если в этом вызывающем жесте увидеть отголоски независимости Общества, впечатление изменится. Они могли бы подчиниться воле Фрейда и вернуть себе его расположение, изгнав с поста Адлера, но они еще раз напомнили ему о том, что могут оказать неповиновение.

После «дворцового переворота» в Вене Фрейд, по видимому, еще больше ополчился на Венскую группу, главой которой он теперь формально был. 30 марта он написал Юнгу: «Вы очень мягко отнеслись к венцам, урегулировав вопрос, вставший на Конгрессе. Но, к со-

жалению, они были и остались сбродом, и я не испытаю ни ужаса, ни сожаления, если в один прекрасный день группа прекратит свое существование»⁵⁹.

Венцам удалось помешать отказу Фрейда от активного лидерства в Обществе; ему навязали нежеланное бремя лидерства. Это само по себе объясняет его раздражение, особенно тогда, когда он стремился установить более тесную связь с Юнгом, а не с ними. Я полагаю, для Фрейда было оскорбительным, что им манипулируют, превращая в объект групповой зависимости и одновременно напоминая ему, что у них достанет сил ему противоречить. Они сыграли на его страхе внутреннего врага, предложили козла отпущения и вновь намеренно оказались под его попечением.

В октябре 1911 года Фрейд решил изгнать сторонников Адлера из Общества и настоял на голосовании. Общество, в марте дерзко отказавшееся признать несовместимость взглядов Адлера с пребыванием в Обществе, было вынуждено занять обратную позицию. Однако создается впечатление, что к тому времени обе стороны уже были готовы к разрыву.

Причиной изгнания Штекеля в октябре 1912 года был его отказ уступить издательский контроль над «Zentralblatt». Фрейд считал непростительным, что Штекель, несмотря на приближавшийся разрыв, настаивал на сохранении своих редакторских позиций в журнале. Однако у Штекеля были силы поступить именно так, что он и сделал, и Обществу пришлось основать новый журнал. Штекель обреченно отстаивал независимость своих издательских позиций и право членов общества не подчиняться власти Фрейда. Однако, как и в случае с Адлером годом раньше, его независимое поведение, по-видимому, только подтвердило зависимость Общества от Фрейда.

Как ни странно, в протоколах Общества этот эпизод не упоминается. В самом деле, после октября 1911 года исчезли все упоминания об организационных вопросах: выборах, назначениях на должности, новых членах. Остались только имена присутствующих и все более поверхностные отчеты о дискуссиях.

Нанберг, один из издателей четвертого тома, пишет: «одно вызывает удивление: самые преданные последователи Фрейда начинают преуменьшать его заслуги, а в некоторых случаях возникает впечатление, что члены группы действуют заодно и среди них Тауск, Федерн, Хитшманн и Задгер — самые преданные ученики Фрейда. Порой кажется, что эти люди забыли учение Фрейда»⁶⁰.

⁵⁵ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1974. P. 172.

⁵⁶ Ibid. P. 174-177.

⁵⁷ McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974. P. 400.

⁵⁸ Ibid. P. 403.

⁵⁹ Ibid. P. 411.

⁶⁰ Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1975. P. XV.

Мне не совсем ясно, что именно имел в виду Нанберг. Я не заметил каких-либо открытых преуменьшений достижений Фрейда, ничего, сравнимого с 1906-1908 годами. Одно представляется бесспорным: исчезли страсть и волнение. Создается впечатление, что Фрейд терпеливо излагает простейшие уроки.

Действительно, здесь легко увидеть присутствие «базовых допущений» о зависимости⁶¹. Члены группы при случае спорят или ведут дискуссии, но создается впечатление, что они утратили способность прояснять что-либо для себя. Гринкер, наблюдавший нечто похожее позднее, предположил, что собрания венцев напоминают религиозный ритуал, смысл которого давно забыт, а необходимость давно отпала. Штерба отметил атмосферу почтительности и строгой иерархии. Вайсс признавался: «По правде говоря, никто не чувствовал себя относительно свободным, чтобы высказывать идеи, сильно отличавшиеся от основных понятий Фрейда»⁶².

Лидерство Фрейда

В том, что случилось с группой, есть нечто трагическое для Фрейда. Многие, знавшие его, утверждают, что поклонение его последователей не доставляло ему удовольствия, а зависимость раздражала. Дейч, например, так комментирует «атмосферу абсолютного и непогрешимого авторитета», созданную его венскими последователями в двадцатые-тридцатые годы: Не вина Фрейда, что они выбрали его на эту роль и что они — как говорят — стали настоящими подхалимами. Напротив, Фрейд не любил подхалимов... Он любил критичных, независимых, интересных, оригинальных людей».

Сакс трогательно написал о том, что знал, что не принадлежит к числу тех, кто интересен Фрейду.

Дейч говорит о том, что Фрейд испытал разочарование, потеряв своих независимых и блестящих последователей. Возможно, это было вызвано некими парадоксальными чертами Фрейда: необходимостью действовать самостоятельно, своими способами и в своем темпе. Таким образом, Фрейд входил в противоречие с людьми, к которым его влекло, неуклонно отказываясь оценить сам источник возбуждения, в котором он нуждался.

На одном из уровней, разумеется, существует «эдипово» объяснение, которое предпочитали Фрейд и его последователи. Каждый ученик был сыном, неизбежно соперничающим с отцом и с другими сыновьями за одобрение и благосклонность отца.

Корреспонденция Фрейда и его последователей изобилует описаниями соперничества и протестов. Не менее напряженными были отношения между самими венцами, наполненные конкуренцией и ревностью. Собственная версия Фрейда, объясняющая групповой конфликт, изложена в «Тотеме и табу». В признании аналогичной роли отца по отношению к мятежным сыновьям, несомненно, можно увидеть страх, пробужденный в нем силой и глубиной убийственных чувств, связанных с эдиповым комплексом, в группах сыновей. Говорят, он однажды сказал, что не в силах вынести взгляд отцеубийцы в глазах одного из самых молодых членов общества. Здесь мы, несомненно, видим оправдание того, что, захватив бразды правления, он вел себя решительно, если не сказать жестко.

Однако на более глубоком уровне драма разворачивалась между Фрейдом и группой в целом. Тот факт, что в ходе «дворцового переворота» Фрейд оказался вынужденным взять на себя власть, является свидетельством победы группы и поражения Фрейда, желавшего большей независимости. Группа, боявшаяся, что он ее покинет, непосредственно пережившая перенос его энтузиазма на других, преданная им, когда он вынашивал с Юнгом планы, направленные на ущемление ее интересов — эта группа в результате неразрывно связала его с собой. Более того, ей удалось заставить его изгнать из ее рядов тех, кто мог бы представлять угрозу его будущей власти. Пассивно, неявно, члены группы манипулировали им, назначив его помимо воли пожизненным президентом.

Как Фрейд мог это допустить? Мы видели, что он постоянно добивался контроля над независимо мыслящей и даже порой непослушной группой, которую основал. Он, несомненно, стремился контролировать развитие психоанализа.

Более того, ему было трудно понять стремление своих последователей к независимости. Он был предельно независимым — скорее, контр-зависимым — и нетерпим к зависимости других и к их борьбе за независимость. В самом деле, именно это ослепляло его и делало, по выражению Джонса, плохим судьей человеческих поступков. Таким образом, даже поддерживая независимый статус Венского общества, поддерживая учреждение Международной психоаналитической ассоциации, он не до конца понимал, каким сложным и бурным может оказаться этот процесс.

Хотя он это отрицал, Фрейд был одержим неконтролируемым желанием иметь учеников и окружить себя беззаветно преданными ему последователями. Но это слишком упрощенная точка зрения. Фрейд хотел контролировать развитие психоанализа, безжалостно карая то, что представлялось ему отступлением от его

⁶¹ Bion W. Experience in Groups. N.Y., 1969.

⁶² Weiss E. Sigmund Freud as a Consultant. L., 1970. P. 12.

основ, и не прощал «ошибок». Однако мне представляется, что он был прав, нелестно отзываясь о себе в роли лидера. Несмотря на бесспорное интеллектуальное лидерство, он не понимал, как нужно управлять развитием профессионального сообщества. И позволил группе манипулировать собой, назначив на роль «стареющего деспота».

Используя терминологию Биона, «валентность» Фрейда, то есть его предрасположенность к роли в группе, была предрасположенностью к роли лидера борьбы. Попытки венцев сделать из него лидера зависимости, благодаря которому они почувствуют себя под его опекой и защитой, натолкнулась на его враждебность. В середине жизни он пишет о себе Флиссу: «по темпераменту ничто, но завоеватель, авантюрист»⁶³. В детстве его идолом был Ганнибал, завоеватель Рима. Сакс называл Фрейда бойцом: неутомимым, нестигаемым, жестким и острым, как сталь, человеком, способным ненавидеть. Ему казалось, что психоанализ постоянно находится во вражеской осаде; Стефан Цвейг замечал: «когда он борется, сражается в одиночку против множества людей, в нем пробуждается беспримерная природная воинственность, готовая противостоять невероятным трудностям»⁶⁴. Саллоуэй отмечал героический аспект в характере Фрейда, Элленбергер указывал на то, что Фрейд постоянно ощущал, что находится как бы под натиском врагов. Как мы видели, ему удалось мобилизовать венцев для выполнения его плана поставить Юнга во главе психоаналитического движения, несмотря на их упорное сопротивление, напугав их угрозами, исходящими от враждебного мира.

Приняв во внимание яростное соперничество между ранними последователями Фрейда и, более того, характерную для него неприязнь к зависимости его последователей, мы легко поймем, как его валентность к роли лидера борьбы позволила ему спровоцировать в группе высокий уровень агрессии и соперничества, направив его на борьбу с группами внешних врагов. Он никогда не уставал — как и Венская группа — ссылаться на «врагов», «оппонентов», «противников», и в обстановке организованной борьбы под его началом группа обретала сплоченность и уверенность. Они были, как писал Абрахаму Фрейд, «партизанами». Однако появление соперников извне — в частности, Юнга и цюрихцев — нарушило эту динамическую модель. Как мы видели на собрании, где Фрейд впервые объявил о Зальцбургском конгрессе, венцы немедленно

принялись искать козла отпущения, чтобы взвалить на него пугавшую их потерю лидера.

Два года спустя сам Фрейд убедился, что опасность — не меньшая, чем от внешних врагов — скрывается внутри. На мой взгляд, произошло именно это: как бы сильно Фрейд не одобрял идей, расхваливавшихся с его представлениями, как бы сильно он ни порицал завуалированные попытки склонить его на свою сторону, по-настоящему его беспокоил и побуждал к действию страх перед внутренним врагом.

Однако этот страх питал не только Фрейд. Члены Венского общества неизбежно верили в то, что любая внутренняя слабость или провал будет на руку внешнему врагу. Поэтому осенью 1910 года, когда Общество столкнулось с реальной угрозой извне в лице Юнга, недавно избранного президентом Международного психоаналитического общества, а также с растущей внутренней угрозой в форме поддержки Юнга Фрейдом, в Обществе возник бессознательный план сделать Адлера мишенью недовольства Фрейда. Парадоксальным образом, Адлер, олицетворявший собой интеллектуальную и организационную независимость Общества, стал рассматриваться в качестве главной угрозы его существованию.

Таким образом, валентность Фрейда к борьбе, которая помогла ему побудить первоначальную группу своих последователей к действию, — создав, по терминологии Биона, «специализированную рабочую группу», то есть рабочую группу, в которой основным базовым допущением является выполнение задачи, — оказалась также его ахиллесовой пятой. Его отвращение к зависимости означало, что его последователи могли полагаться на него и находиться под его началом, только когда он был вовлечен в борьбу, когда у него имелся враг. Чтобы опираться на Фрейда, им надо было непрерывно снабжать его врагами.

«Моя эмоциональная жизнь всегда настойчиво требовала, чтобы у меня был близкий друг и ненавистный враг», — писал он в «Толковании сновидений». Однако надежными всегда оказывались только враги.

Размышления

С институциональной точки зрения в лидерстве Фрейда можно выделить два пункта: один касается его наследия, другой — его лидерства в целом.

Адлер был первым из известных «отступников» в истории психоанализа, а основанная им школа первой из «ересей». С тех пор психоанализ был поражен тенденцией к институциональному расколу. Не думаю, что ответственность за это можно возложить на Фрейда; я полагаю, из изложенного выше ясно, что не он один

⁶³ Masson J.M. (ed.) The Complete Letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess. 1887-1904. Cambridge, 1985. P. 398.

⁶⁴ Zweig S. Portrait of Freud. Detroit, 1973.

виновен в изгнании Адлера. Однако Фрейд наложил столь глубокий отпечаток на движение, что динамические процессы, происходившие в случае с Адлером, получили стимул к развитию. То есть, придавая особое значение лидерству, основанному на борьбе и, что более важно, опасаясь лидерства, основанного на зависимости, Фрейд почти не оставил психоаналитикам возможности признать свою зависимость. В самом деле, молчаливый урок ранних венских годов заключается в том, что единственным способом, которым последователи Фрейда могли почувствовать свою зависимость от него, было убедить его, что они верные солдаты, сражающиеся под его флагом.

В этом и состоит наследие Фрейда. Я утверждал в другой работе, что слабость психоаналитических организаций и их подверженность расколу отчасти объясняется тем, что их члены по-настоящему верны своим психоаналитикам и ряду психоаналитиков, определяющим различные школы мышления. Таким образом, из-за того, что зависимость от своего психоаналитика традиционно считалась знаком нерешенного переноса, способом обеспечить себе место в этом клане, устойчивые отношения со своим психоаналитиком и его школой сводилось к желанию бороться от его лица. При этом индивид может проецировать на враждебную школу собственный вытесненный страх и ненависть к лидеру. Именно такова история Фрейда и ранней венской группы. С этой точки зрения, угрозу для психоанализа представляет отнюдь не внутренний враг, которого можно определить и устранить, но непризнанная зависимость самих психоаналитиков.

В данном случае мне хотелось бы поговорить о лидерстве вообще. В важной статье о лидерстве, опирающейся на труд Биона о «базовых допущениях», Тюрке указал, что на лидера неизбежно проецируются групповые страхи и сомнения: члены группы пыта-

ются избавиться от собственных страхов, побуждая лидера действовать от их имени. Таким образом, лидер должен уметь не только терпеть страх и сомнение, он должен уметь воздерживаться от действий в ответ на эти стимулы и давление.

Я хочу подчеркнуть, что лидер, используя свою способность воздерживаться от подобных действий, должен понимать значение своих действий для группы, которой он управляет.

Мы, психоаналитики, привыкли исследовать наши бессознательные мотивации, анализируя наши контрпереносы, чтобы пролить свет на переносы наших пациентов. Мы знаем, что такое воздерживаться от действий в наших кабинетах под давлением того или иного индивида. Но мы гораздо меньше знаем о давлении, исходящем от группы. Мы склонны реже размышлять о бессознательных, тайных силах, понижающих наши отношения с коллегами. В общем и целом, нас не учили распознавать действие бессознательного в наших институциональных отношениях. В частности, мы не привыкли рассматривать вопрос о том, как влияют на наших лидеров те, кого они ведут. Мы отводим глаза от бессознательного тайного пакта, который заключаем с нашими лидерами; им позволяют чувствовать себя сильными и уважаемыми именно потому, что они действуют так, как от них требуют. То есть мы дискредитируем лидеров, которые осуществляют программу необходимых действий, но не могут защитить нас от проблем, с которыми мы сталкиваемся.

Если из этой истории можно извлечь какой-нибудь урок, он заключается в том, что нам необходимо больше знать о том, как действует бессознательное в нашей группе и в институциональных отношениях. Игнорируя это, наши лидеры подвергаются опасности — и мы вместе с ними.

Список литературы:

1. Abraham H. C. & Freud E. L. (eds.) A Psycho-Analytic Dialogue: The Letters of Sigmund Freud and Karl Abraham. 1907-1926. N.Y., 1966.
2. Anzieu D. The Group and the Unconscious. L., 1984.
3. Binswanger L. Sigmund Freud: Reminiscences of Friendship. N.Y., 1957.
4. Bion W. Experience in Groups. N. Y., 1969.
5. Deunsch H. Freud and his Pupils. "Psychoanal. Q.", №9, pp. 184-194.
6. Eisold K. The Intolerance of Diversity in Psychoanalytic Institutes. "Int. J. Psychoanal.", № 75, pp. 785-800.
7. Ferenczi S. On the Organization of the Psycho-analytic Movement. In: Final Contributions to the Problems and Methods of Psychoanalysis. N.Y., 1955.
8. Freud S. The Interpretation of Dreams, 1900.
9. Totem and Taboo, 1913.
10. On the History of the Psychoanalytic Movement, 1914.
11. Gay P. The Life for Our Time. N.Y., 1988.

12. Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. L., 1953, 1955, 1957.
13. Kernberg O. F. Regression in Groups. In: Internal World and External Reality. N.Y., 1980.
14. McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974.
15. Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1962.
16. Puner H.W. Sigmund Freud: His Life and Mind. N.Y., 1947.
17. Sachs H. Freud: Master and Friend. Cambridge, 1945.
18. Stekel W. The Autobiography of W. Stekel. N.Y., 1950.
19. Stepansky P.E. In Freud's Shadow. Hillsdale, 1983.
20. Wittels F. Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School. N.Y., 1924.
21. Zaleznik A. The Managerial Mystique. N.Y., 1989.
22. Zweig S. Portrait of Freud. Detroit, 1973.

References (transliteration):

1. Abraham H. C. & Freud E. L. (eds.) A Psycho-Analytic Dialogue: The Letters of Sigmund Freud and Karl Abraham. 1907-1926. N.Y., 1966.
2. Anzieu D. The Group and the Unconscious. L., 1984.
3. Binswanger L. Sigmund Freud: Reminiscences of Friendship. N.Y., 1957.
4. Bion W. Experience in Groups. N. Y., 1969.
5. Deunsch H. Freud and his Pupils. "Psychoanal. Q.", №9, pp. 184-194.
6. Eisold K. The Intolerance of Diversity in Psychoanalytic Institutes. "Int. J. Psychoanal.", № 75, pp. 785-800.
7. Ferenczi S. On the Organization of the Psycho-analytic Movement. In: Final Contributions to the Problems and Methods of Psychoanalysis. N.Y., 1955.
8. Freud S. The Interpretation of Dreams, 1900.
9. Totem and Taboo, 1913.
10. On the History of the Psychoanalytic Movement, 1914.
11. Gay P. The Life for Our Time. N.Y., 1988.
12. Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. L., 1953, 1955, 1957.
13. Kernberg O. F. Regression in Groups. In: Internal World and External Reality. N.Y., 1980.
14. McGuire W. The Freud/Jung Letters. Cambridge, 1974.
15. Nunberg H. & Federn E. Minutes of the Vienna Psychological Society. N.Y., 1962.
16. Puner H.W. Sigmund Freud: His Life and Mind. N.Y., 1947.
17. Sachs H. Freud: Master and Friend. Cambridge, 1945.
18. Stekel W. The Autobiography of W. Stekel. N.Y., 1950.
19. Stepansky P.E. In Freud's Shadow. Hillsdale, 1983.
20. Wittels F. Sigmund Freud: His Personality, His Teaching, and His School. N.Y., 1924.
21. Zaleznik A. The Managerial Mystique. N.Y., 1989.
22. Zweig S. Portrait of Freud. Detroit, 1973.